

В Эрмитаж вернулись часы Иоганна Штрассера

ИХ ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ МУЗЕЙ ПОПРОЩАЛСЯ С БЕЛЫМИ НОЧАМИ

Генеральный спонсор
ОАО «РЖД»

РЖД

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Игорь СЫЧЕВ, хранитель отдела истории русской культуры Эрмитажа, старший научный сотрудник:

— Наш «Механический оркестр» — главная работа часовщика Иоганна Георга Штрассера. Он приехал в Петербург из Австрии и работал здесь до конца жизни. «Механический оркестр» Штрассер строил с 1793 по 1801 год. Кроме него участвовали известные мастера — например, мебельщик Генрих Гамбс и органчик мастер Иоганн Габран. Считается, что часы — заказ Екатерины Второй, хотя данные не подтверждены. Пока Штрассер работал над часами, умерла Екатерина, воцарился Павел. У Штрассера появилась надежда, что император использует его часы для Михайловского замка. Но этого не произошло, а в ночь на 12 марта Павел Первый был убит. Штрассеру не оставалось ничего другого, как разыграть свои часы в лотерею, чтобы оправдать затраты на создание дорогостоящей игрушки. Часы оценили в 60 тысяч рублей. Это была баснословная сумма. Каждый лотерейный билет стоил по рублю. Но их надо было еще распространить и реализовать. Для этого Штрассер проводил концерты, возил часы везде. В конце 1804 года состоялась лотерея, главным призом которой были сами часы. Выигрышный билет достался бедной вдове пастора Анне Герольд, которая проживала в Курляндии. Вдова приехала в Петербург, чтобы продать их, устроив аукцион. Александр Первый выкупил «Механический оркестр» за сорок тысяч рублей. Часы предназначались в подарок китайскому императору. Однако дипломатическая миссия с подарками отправилась в Пекин без «Механического оркестра». Часы остались в Эрмитаже.

В 1851 году часы установили в Новом Эрмитаже, где архитектор Лео фон Кленце специально спроектировал для них зал. Там они простояли до революции.

Михаил ГУРЬЕВ, заведующий лабораторией научной реставрации часов и музыкальных механизмов Эрмитажа:

— У часов Штрассера очень сложная механика. Музыкальный механизм включает в себя два дополняющих друг друга органа, способных исполнять 14 мелодий. Детали оркестра приводятся в движение с помощью четырех свинцовых грузов (каждый весит 200 кг). Пружины, которые все это крутят, можно сравнить с железнодорожными рессорами. Гири держались на воловьих жилах. Каждые десять—пятнадцать лет они пересыхали, гири падали, иногда даже пробивали паркет в зале. Музыкальный механизм расстраивался, его приходилось разбирать и ремонтировать. К концу XIX века он окончательно пришел в негодность.

Реставраторы часов и музыкального механизма: Владимир Градов, Игорь Сычев и Михаил Гурьев.

это крутят, можно сравнить с железнодорожными рессорами. Гири держались на воловьих жилах. Каждые десять—пятнадцать лет они пересыхали, гири падали, иногда даже пробивали паркет в зале. Музыкальный механизм расстраивался, его приходилось разбирать и ремонтировать. К концу XIX века он окончательно пришел в негодность.

Чтобы не тратить время интервьюируемых». Я рассмеялась, и волнение исчезло, интервью прошло замечательно.

Гвоздем нынешней программы эрмитажного праздника стали знаменитые часы Иоганна Штрассера, называемые «Механическим оркестром», реставрация которых должна была завершиться к концу 2014 года. Но работы затянулись.

Сейчас часы уже прибыли из реставрационно-хранительского центра «Старая Деревня» в Эрмитаже, где заняли место в одном из залов Зимнего дворца.

Этот гигантский «гаджет», сработанный на рубеже XVIII — XIX веков, достигает в высоту четырех метров. Корпус часов, облицованный красным деревом и отделанный золоченой бронзой, напоминает античный храм.

Впрочем, с его реставрацией как раз особых проблем не было. Гораздо сложнее оказалось привести в порядок сам часовую и музыкальный механизмы. Потому что сдвинулись сроки окончания реставрации. Так что «Механический оркестр» пока еще не звучит. Михаил Гурьев, заведующий лабораторией научной реставрации часов и музыкальных механизмов Эрмитажа, назвал реставрацию «ездой в неизвестное», пояснив: «Мы словно открываем дверь в темную комнату и начинаем там поиски. Что найдем и когда закончим — предсказать сложно. Качество для нас на первом месте, а время у нас пока есть».

Однако ждать осталось недолго, работы находятся сейчас на заключительной стадии.

Журналисты, лучше всех освещавшие жизнь Эрмитажа в прошлом году, поднимают фонарь, зажжение которого символизирует окончание белых ночей.

В последний день июля, когда, по петербургской традиции, солнце боролось с дождем, в Эрмитаже прошел традиционный праздник — проводы белых ночей. В этом году он был посвящен памяти Владимира Юрьевича Матвеева, заместителя директора Эрмитажа по выставкам и развитию, который ушел из жизни в марте.

ИМЕННО Владимир Юрьевич 15 лет назад придумал этот праздник. Каждый год он сочинял сценарий, который не повторился ни разу. Журналисты, пишущие об Эрмитаже, вспомнят, как спускались в музейные подвалы, знакомясь с хитросплетениями инженерных коммуникаций огромного дворца и с тамошними обитателями — эрмитажными кошками. Как слушали однажды в античных залах «сумеречный рассказ» Александра Иванова «Стереоскоп» (1905) в исполнении Леонида Мозгового. Как поднимались на чердак и даже на крышу Зимнего дворца, где бродили рядом со статуями ангелов и рыцарей, любясь панорамой простирающегося внизу великого города. Запомнилась и необычная прогулка по Зимнему дворцу, когда мы прошли по тем залам, где снимался фильм Александра Сокурова «Русский ковчег».

В этом году в Эрмитаже впервые провожали белые ночи без Владимира Матвеева.

В Зимнем дворце Петра Первого показали сделанные им фотографии. Владимир Юрьевич много ездил по России по делам музея и везде снимал пейзажи. Смотрели в полной тишине, вспоминая этого удивительного человека, который отдал Эрмитажу 45 лет жизни. Он стоял у истоков эрмитажной пресс-службы, много общался с журналистами, всегда давал интересные комментарии, много шутил.

Деревянный валик длиной 127 см с записью марша из 2-го действия оперы Вагнера «Тангейзер».

У каждого из нас — свои личные воспоминания о нем. Я вспоминала, как однажды вечером сидела в приемной, ожидая интервью с Михаилом Борисовичем Пиотровским. Конечно, волновалась. Тут в коридоре показался Владимир Юрьевич. «Ждете интервью? Вопросы придумали?» — спросил он, улыбаясь. «Конечно!» — «А ответы?» — И, заметив мое замешательство, добавил: — Вы разве не знаете, что сейчас приятно предлагать не только вопросы, но и варианты ответов?